

Глава 2. Квартирующие войска и старшие воинские начальники

Коликое число постов, такожде город [или крепость] великостию будет, потому и великой гварнизон содержать надлежит.

Устав воинский. 1716 г. Глава 59, §1.

Получив предписание генерал-фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского от 19 мая 1831 г. с изъявлением высочайшей воли об установлении контроля над Геленджикской бухтой, командуя войсками на Кавказской линии, Черномории и Астрахани генерал от кавалерии Еммануель на следующий же день направил начальнику 20-й пехотной дивизии генерал-майору Берхману приказание о выделении необходимого для этого войск и направлении их в пункт амбаркации на предоставляемые Черноморским флотом корабли¹.

Не имея равно никаких сведений ни о местности в районе предполагаемой высадки, ни о численности горцев, могущих воспрепятствовать выполнению поставленной перед ним задачи, генерал-майор Берхман назначил в десант составлявшие 2-ю бригаду его дивизии Нашебургский и Козловский пехотные полки (без третьих батальонов), Легкую № 2 роту 20-й артиллерийской бригады, а также 2 горных единорога и 2 кегорновые мортирки резервной батареейной № 5 роты 21-й артиллерийской бригады (без личного состава). Общая численность экспедиционного отряда из шестнадцати пехотных и одной артиллерийской роты, получившего, разумеется, название Геленджикского, составила 4138 человек, в том числе 13 штаб-офицеров, 103 обер-офицеров, 413 унтер-офицеров, 142 музыканта, 3253 рядовых, 147 нестроевых и 67 денщиков². Выдвижение составивших его войск к Тамани, где была намечена погрузка, осуществлялось в целях обеспечения скрытности под видом проведения дивизионного инспекторского смотра, объявленного приказом по дивизии от 4 июня 1831 г.³

Выбор генерал-майором Берхманом Нашебургского и Козловского пехотных полков был, по всей видимости, не случаен. Они имели к этому времени давнюю и славную историю, восходящую у первого к первой четверти XVIII в., у второго – к середине того же века⁴, и репутацию стойких и

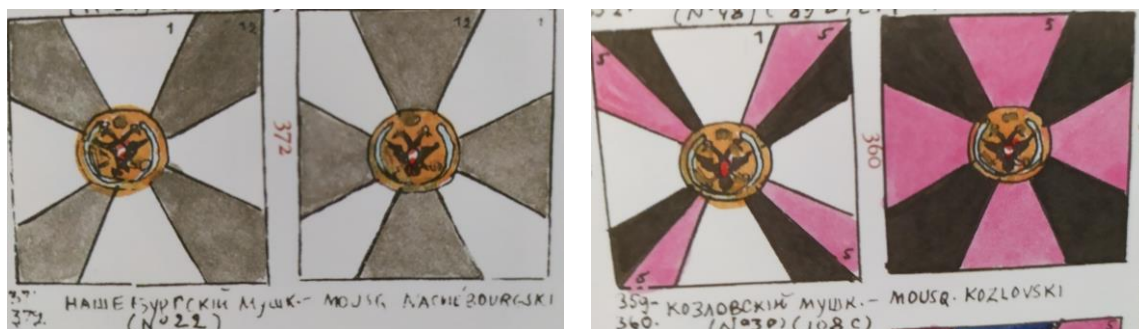
¹ Ф.Д. де Монпере пишет о 15 вымпелах. См. Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монперэ «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 95

² Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар, 1913. С. 298.

³ РГВИА. Ф. 15050. Оп. 1. Д. 1. Л. 80

⁴ См. Гизетти А.Л. Хроника кавказских войска. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.2. С. 110, 115; Хроника российской императорской армии. СПб, 1852. Ч. VI. С. 24, 165

надежных частей. В уже упоминавшейся в предыдущей главе книге В.В. Звегинцова⁵, помещены изображения батальонных знамен⁶ этих полков по состоянию на 1797 г., когда они еще были мушкетерскими:

Оба полка принимали участие в Отечественной войне 1812 г., причем Нашебургскому пехотному полку «за подвиги в войне с Францией 1812, 1813 и 1814 годов» были пожалованы серебряные трубы с надписью «Нашебургского пехотного, 1814 года Августа 30 дня, в воздаяние отличных подвигов против Французских войск».

На Кавказ, согласно А.Л. Гизетти⁷, они прибыли из 5-го пехотного корпуса в составе 20-й пехотной дивизии во второй половине 1826 г. для усиления Отдельного Кавказского корпуса в период войны с Персией (1826-1828 гг.) и особенно отличились в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. при отражении штурма крепости Баязета от многократно превосходящего по численности противника⁸. За этот героический подвиг их батальонам были пожалованы коллективные знаки отличия - Георгиевские знамена с надписью «За оборону креп. Баязета 20 и 21го июня 1829 года»⁹. Отряжая именно эти полки для участия в десантной операции, командование вполне резонно рассчитывало на то, что предполагаемый к занятию важный стратегический пункт будет затем надежно защищен.

О том, в каком обмундировании личный состав названных пехотных полков отправился в поход, можно судить по рисункам из 19-й части фундаментального труда А.В. Висковатова¹⁰, имея ввиду лишь то, что с августа 1829 г. в пехотных полках Отдельного Кавказского корпуса и состоявшей при

⁵ Звегинцов В.В. Знамена и штандарты Русской армии (XVI в.-1914 г.) и морские флаги / Библиотека-фонд «Русское Зарубежье». М., 2008. Лист 59. Разумеется, до начала 30-х годов XIX в. они несколько раз менялись

⁶ Как известно, полковые знамена было установлено жаловать только с 1883 г.

⁷ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч. 1. С. 67

⁸ Подробнее см.: Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. IV. Вып. III. СПб, 1889. С. 483-500

⁹ Гизетти А.Л. Сборник о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказских войск. Тифлис, 1901. Часть II. С.28

¹⁰ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. Часть девятнадцатая. СПб, 1861. С. 359-360, рисунки 84, 87

нем 20-й пехотной дивизии кивера были заменены черной овчинной шапкой со всем положенным киверу прибором (гербом, чешуей, репейкой, помпоном)¹¹ и кожаным козырьком, в каковой изображен обер-офицер на правом рисунке. Щитам киверных гербов чинам Козловского пехотного полка был присвоен № 79, Нашебургского пехотного – № 80.

РИДОВОЙ
Пьемонтского полка.
1828-1830.

ОБЕРЬ - ОФИЦЕРЪ
Пьемонтского полка Кавказского Корпуса.
1830-1834.

Впрочем, поскольку «кавказские войска имели очень своеобразное и отчасти смутное понятие о форме»¹², можно с высокой степенью достоверности предположить, что в качестве головных уборов весь личный состав пехотных частей, назначенных в экспедицию, имел фуражные шапки в белом (солнцезащитном) чехле, ведь, согласно М.В. Нечитайлову, «для похода «неуклюжий кавказский барашковый кивер» оказался тоже (как и обыкновенный кивер – А.Г.) неудобным. Полки быстро перешли на фуражки, оставляя шапки в штаб-квартире»¹³.

¹¹ Ульянов И.Э. Регулярная пехота. 1801-1855: Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1996. С. 161

¹² Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 5. С. 187

¹³ Нечитайлов М.В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. На правах рукописи. Ставропольский государственный университет. 2005. С. 178 (https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002752657/)

Произведя высадку в Геленджикской бухте и обустроив на ее берегу укрепленный лагерь, Нашебургский и Козловский пехотные полки продолжали до весны 1834 г. составлять Геленджикский отряд. Его командующим являлся полковник Боровский¹⁴, а в его временное отсутствие в отпуске - полковник Свеховский¹⁵.

С августа 1831 г. для обслуживания орудий, переданных с перевозивших десант кораблей, к Геленджикскому отряду было прикомандировано некоторое количество военных моряков, замененных в декабре 1832 г. 1 офицером и 38 нижними чинами Анапского артиллерийского гарнизона¹⁶.

В апреле 1832 г. император, питая большие надежды на скорое устройство в Геленджикской бухте полноценной крепости, назначил в нее коменданта – полковника Чайковского, которому согласно одному из параграфов высочайше утвержденного 5 июня 1812 г. «Положения для крепостей, на базисе военных действий расположенных» надлежало «... помнить, что он поставлен охранителем одного из оплотов Империя, и что сдача оного днем ранее или позже учиненная, может не только для целой армии, но и для всего государства важнейшие иметь последствия»¹⁷.

Прибывший к месту службы на вновь учрежденный пост коменданта Геленджикской крепости 2 июля 1832 г.¹⁸, полковник Чайковский на основании 28-го параграфа названного Положения, ссылаясь на близость неприятеля, объявил ее на осадном положении и выдал находившимся там войскам соответствующую диспозицию. Однако эта его инициатива вызвала на деле серьезный конфликт с командующим Геленджикским отрядом полковником Боровским, на которого согласно предписанию начальника Черноморской линии генерал-лейтенанта Малиновского, заменившего на этом посту генерал-майора Берхмана, были возложены обязанности по обороне Геленджика¹⁹. Вопрос о старшинстве в конечном итоге был разрешен лишь в марте 1833 г., когда в ответ на рапорт полковника Чайковского от 26 октября 1832 г. на имя

¹⁴ Боровский Александр Федорович, командир Нашебургского пехотного полка с 22 июня 1826 г. (http://rusgeneral.ru/shik/alfshcom_b.html)

¹⁵ Свеховский Иван Антонович, командир Козловского пехотного полка с 14 июня 1830 г. (http://rusgeneral.ru/shik/alfshcom_s.html)

¹⁶ РГВИА Ф.13454. Оп. 5. Д. 16. Л. 39,43

¹⁷ ПСЗРИ. Собрание первое. Т. XXXII. № 25.130. Частично повторены статьями 1143-1226 2-й книги части 1 Свода военных постановлений. В ноябре 1847 г. императором в их замен была утверждена Общая инструкция для комендантов (ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXII. № 21671)

¹⁸ Чайковский Петр Петрович, генерал-майор. Участник русско-турецкой войны 1806-1812 гг., войн с французами 1806-1807 гг., 1812-1814 гг., заграничного похода 1815 г., русско-турецкой войны 1828-1829 гг. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1814), св. Анны 2 ст. (1827), св. Георгия 4 ст. (1830), серебряными медалями «В память Отечественной войны 1812 г.», «За взятие Парижа», «За Турецкую войну 1828-1829 гг.» (РГВИА. Ф. 395. Оп. 147. Д. 168)

¹⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп.3. Д. 36. Л. 36-37

командующего войсками на Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенанта Вельяминова ему было разъяснено, что «Геленджик не принадлежит к числу крепостей, расположенных на базисе военных действий, ибо никто не угрожает ему осадой. До сих пор крепость еще не существует и едва положены начала к построению оной. Войска, в Геленджике находящиеся, составляют не гарнизон крепости, но целый отряд, который должен и работы производить, и отражать неприятеля в случае нападений и, в свою очередь, делать набеги на неприятеля, когда представится к тому удобство. ... Когда крепость будет устроена и Вы останетесь в ней с одним гарнизоном оной, тогда ... будет принадлежать Вам вполне распорядительная в оном власть, которая, однако же, и в сем случае не могла бы распространяться на войска особенного отряда, который по обстоятельства мог бы действовать в окрестностях крепости»²⁰.

В феврале 1833 г. для производства работ в Геленджике, Ставрополе и при Кавказских минеральных водах были сформированы три арестантских роты. Согласно Положению об арестантских ротах Инженерного ведомства, высочайше утвержденному 11 ноября 1833 г.²¹, в них должны были поступать разного рода преступники, назначаемые по Высочайшим конфирмациям в крепостную работу, нижние чины, назначаемые по приговорам, для исправления в поведении, в крепостную работу, а также требуемые высшим инженерным начальством в какие-либо крепости, в случае надобности, по сношению с Министром внутренних дел, как бродяги, так и преступники Гражданского ведомства, по назначениям губернских присутственных мест. По штату, утвержденному 31 декабря 1826 г., в каждой такой роте полагалось иметь: офицеров – 4, фельдфебелей – 1, унтер-офицеров – 16, барабанщиков, писарей, цирюльников – по 1, арестантов – от 100 до 140.

Предназначенная для размещения в Геленджике арестантская рота получила № 43²², а с ноября того же года, как следует из расписания арестантских рот по крепостям, приложенного к вышеназванному Положению от 11 ноября 1833 г., она была переименована в «№ 40».

Сразу же по занятию Геленджикской бухты десантный отряд стал заметно таить, но не от черкесских пуль или сабель, а от цинги, водянок и поносов, вызванных заражением личного состава злокачественными лихорадками. По мнению известного военного медика XIX в. Н.И. Торопова, главной причиной этого являлось, с одной стороны, расположение укреплений по берегу Черного моря «на низменностях до крайности зеленых и болотистых

²⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп.3. Д. 36. Л. 38-39об

²¹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. VIII. № 6584

²² ПСЗРИ. Собрание второе. Т. VIII. № 5972

...»²³, с другой, в том, что «хинина не отпускалось в волю, да и медики в то время еще не привыкли обращаться с ним и душили своих несчастных пациентов средствами разводящими и более всего каломелем, который считался кавказской панацеей»²⁴. К названным факторам следует также прибавить значительное изнурение личного состава Геленджикского отряда вследствие производства крепостных работ по обустройству оборонительных верков и вырубки леса вокруг укрепления. «... brave наши бурцы и козловцы, которые заслужили Георгиевские знамена в кампаниях против Персии и в азиатской Турции, со стоном вяло падали как мухи, вместо того, чтобы со славою умереть под пулями»²⁵, – с горечью констатировал непосредственный очевидец этого бедствия Ф.Д. де Монпере.

Представление о безвозвратных потерях Нашебургского и Козловского пехотных полков дают частично сохранившиеся метрические книги, согласно которым в первом из них в 1832 и 1833 гг. умерло, соответственно, 154 и 85 человек, а во втором в 1831 и 1833 гг. – 51 и 56²⁶. Экстраполируя эти данные на годы, по которым полковых метрических книг не выявлено, можно предположить, что за неполные три года в них выбыло за смертью, по-видимому, около 500 человек или 12% от первоначальной численности. Впрочем, такую смертность личного состава нельзя считать чрезмерной: соотношение одного умершего к первоначальной общей численности Геленджикского отряда, например в 1833 г., составило 1 к 29, что согласно «Историческому обозрению военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год» соответствовало среднему показателю по армии в царствование Николая I²⁷. Таким образом, часто цитируемое в исторической литературе утверждение генерал-лейтенанта Раевского о том, что «целая бригада в два года вымерла в Геленджике»²⁸, следует признать не иначе как гиперболой.

По состоянию на 1-е марта 1834 г. в Геленджике оставалось 1252 человека²⁹. Однако из текста документа, в котором приведены эти данные, невозможно установить: относится ли эта цифра к обоим дислоцировавшимся там полкам или только к одному, Нашебургскому, т.к., возможно, к этому

²³ Торопов Н.И. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающейся лихорадки. СПб, 1864. С.167

²⁴ Там же. С. 166

²⁵ Тэбу де Мариньи «Путешествие по Черкесии». Фредерик Дюбуа де Монпере «Путешествие вокруг Кавказа у черкесов и абхазов, в Колхиде, Грузии, Армении и Крыму. Т.1». Изд. центр «Эль-фа», Нальчик, 2002. С. 95

²⁶ РГВИА. Ф. 16290. Оп. 2. Д. 129. Л. 454, Д. 80. Л. 532, Д. 88. Л. 248, Д. 87. Л. 72

²⁷ Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825 по 1850 год // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 98. СПб, 1896. С. 374

²⁸ Архив Раевских / Изд. П. М. Раевского; Ред. и примеч. Б.Л. Модзалевского. Т. III. СПб, 1910. С. 605

²⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 3. Д. 42. Л. 76

времени 1-й и 2-й батальоны Козловского пехотного полка уже выбыли из Геленджика на формирование, соответственно, Кавказского линейного № 2-го батальона и 5-го батальона Тенгинского пехотного полка³⁰.

21 марта 1834 г. из остававшихся в Геленджикской крепости 1-го батальона Нашебургского пехотного полка формируется Черноморский линейный батальон № 4-го, а из 2-го батальона того же полка – Черноморский линейный батальон № 3-го. Оба они получили одинаковый четырехротный состав и штатную численность, составляющую 1070 человек каждый.

Как и другим Черноморским линейным батальонам, в соответствии с высочайшим повелением, им полагались белые погоны с красным номером батальона и красной литерой «Ч». 8 апреля того же года обоим линейным батальонам пожалованы Георгиевские знамена³¹ и серебряные трубы соответствующих батальонов Нашебургского пехотного полка.

На основании высочайшего указа от 25 июня 1838 г. при знаменах обоих батальонов имелись орденские Александровские ленты и скобы³². Можно предположить, что надпись на ленте была аналогична (за исключением, конечно, наименования и номера батальона) надписи на такой же ленте 3-го батальона Нашебургского пехотного полка, описание которой приведено в работе генерал-майора Л.В. Симонова: «На одной из двух полос этой ленты изображено: «1726 года, Ленкоранский пехотный полк, вензель Императрицы Екатерины I, корона над этим вензелем, 20 и 21 июня 1829 года за оборону

³⁰ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч. 2. С. 110

³¹ Там же. С. 360

³² Хроника российской императорской армии. СПб, 1852. Ч. VI. С. 165-169

крепости Баязета», а на другой полосе ленты – «Кавказский линейный № 7 батальон и государственный герб с короной над ним»³³.

Согласно В.В. Звегинцову³⁴, под навершием знамени из той же ленты образовывался бант, на котором был вышит год пожалованья. Бант прикреплялся к самой ленте при помощи мундирной пуговицы. На медной позолоченной скобе шириной 1,5 вершка наносились те же надписи, что и на ленте.

Вслед за Козловским пехотным полком, но только через полгода (в ноябре 1834 г.), пришла очередь убытия и для Легкой № 2 роты 20-й артиллерийской бригады, переданной в 5-ю артиллерийскую бригаду. При этом принадлежавшие ей орудия, лошади и обоз были оставлены на укомплектование гарнизонной артиллерии Отдельного Кавказского корпуса³⁵.

Очевидно, в то же самое время и даже, возможно, на том же военном транспорте или пароходе, что и личный состав упомянутой артиллерийской роты, Геленджик покинул и его первый комендант полковник Чайковский, с весны 1834 г., после упразднения Геленджикского отряда, остававшийся старшим воинским начальником в тамошнем укреплении.

20 октября 1834 г. он был назначен старшим членом Строительной комиссии при Кавказских минеральных водах³⁶.

³³ Генерал-майор Симонов Л.В. Один из потомков Нашебургского полка. Исторический очерк 1826-1875 г. Брест-Литовск, 1904. С. 5

³⁴ Звегинцов В.В. Указ. соч. С. 56

³⁵ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.1. С. 80-81

³⁶ Прибыл на эту должность 16 февраля 1835 г. Фотография, любезно предоставленная коллегами из РГВИА, относится к 60-х гг. XIX в.

Его место занял полковник Воецкий, по высочайшему приказу назначенный комендантом крепости Геленджик 22 октября 1834 г. и прибывший на службу 29 декабря того же года³⁷. Однако, долго исполнять эту должность ему оказалось не суждено – 11 марта 1836 г. он был уволен по болезни.

Назначенный вместо него тем же высочайшим приказом от 11 марта 1836 г. следующий Геленджикский комендант – инженер-полковник Мокиевский³⁸ – прослужил в нем столь же недолго. Прибыв к месту службы 22 июня 1836 г., он уже 22 ноября 1837 г. был уволен, и тоже по болезни, правда, с присвоением звания генерал-майора. Можно только сожалеть, что его служба в Геленджике была столь непродолжительной, ибо у него имелся солидный опыт строительства фортификационных сооружений, приобретенный им за долгие годы службы, в том числе и в должности коменданта ряда приморских крепостей.

После создания в 1837 г. Черноморской береговой линии комендант Геленджикского укрепления вошел в подчиненность начальника ее 1-го отделения. При этом, однако, он продолжал оставаться там старшим воинским начальником, поскольку назначенный начальником 1-го отделения генерал-майор Раевский, постоянным местом пребывания которого было определено Геленджикское укрепление³⁹, как известно, под предлогом «отсутствия помещений на Восточном берегу» обустроил свою штаб-квартиру в гораздо более комфортабельных условиях Керчи. При переустройстве в апреле 1839 г. Черноморской береговой линии, разделенной на два отделения, местопребыванием начальника ее 1-го отделения назначался Новороссийск⁴⁰, что оставляло за комендантом Геленджикского укрепления все права по полному распоряжению в оном.

Очередным и, как потом оказалось последним, комендантом Геленджикского укрепления стал полковник Витковский⁴¹, назначенный тем же

³⁷ Воецкий Петр Николаевич, полковник. Участвовал в боях против польских мятежников в 1831-1832 гг. и горцев в 1833-1836 гг. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1831), св. Анны 2 ст. с императорской короной (1832), польским знаком отличия за военное достоинство (*Virtuti Militari*) 4-й ст., серебряной медалью «За взятие Варшавы 25 и 26 августа 1831 года» (РГВИА. Ф. 395. Оп. 27. Д. 345)

³⁸ Мокиевский Андрей Иванович, генерал-майор. Участник плаваний на Корфу, Бриндизи, Неаполь с ноября 1799 г., в марте-апреле 1801 г. на эскадре капитана 2-го ранга Войновича. Награжден орденами св. Георгия 4 ст. (1824), св. Владимира 4 ст. (1835) и знаком отличия «XXXV лет беспорочной службы» (1835) (РГВИА. Ф. 405. Оп. 10. Д. 1248)

³⁹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XII. № 10577

⁴⁰ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIV. № 12208

⁴¹ Витковский Франц Матвеевич, генерал-майор. Участник войн против французов в Пруссии в 1806-1807 гг., против турок в Молдавии в 1809-1811 гг., в Отечественной войне 1812 г. и походе 1813-1814 гг. Награжден орденами св. Анны 4 ст. (1809), св. Владимира 4 ст. (1827), св. Георгия 4 ст. (1832), св. Станислава 2 ст. (1839), знаком отличия «XXX лет беспорочной службы» (1838), серебряными

высочайшим приказом от 22 ноября 1837 г., каким был уволен генерал-майор Мокиевский. Его служба в этой должности продолжалась до упразднения согласно высочайшему повелению от 5 ноября 1839 г. в крепости Геленджике комендантского управления⁴². Однако, несмотря на то, что уже 28 ноября того же года состоялось его назначение состоящим при Отдельном Кавказском корпусе, он еще довольно продолжительное время находился в Геленджике, видимо, для завершения, как это обычно водится, административно-хозяйственных и финансовых дел. Только начиная с марта 1840 г. всю документацию, относящуюся к укреплению, начал подписывать «воинский начальник» майор Дзвонкевич, с 10 мая 1839 г. командовавший дислоцирующимся в нем Черноморским линейным батальоном № 4-го.

Оба сформированных в марте 1834 г. линейных батальона составляли гарнизон Геленджикского укрепления до середины 1837 г., получая по мере увеличения числа Черноморских линейных батальонов новые номера:

Старое наименование	Новое наименование	21.03.1834	17.01.1839	18.02.1840	08.08.1840	03.02.1842
2-й батальон Нашебургского пехотного полка	Черноморский линейный батальон	№ 3-го	№ 4-го	№ 5-го	№ 4-го	№ 5-го
1-й батальон Нашебургского пехотного полка	Черноморский линейный батальон	№ 4-го	№ 5-го	№ 6-го	№ 5-го	№ 6-го

Со второй половины 1837 г., после устройства в результате сухопутной экспедиции генерал-лейтенанта Вильямина и последовавших затем морских десантных операций новых прибрежных укреплений, батальоны оказались поротно «раздерганы» для образования в них гарнизонов. При этом дислокация подразделений в них постоянно менялась в зависимости, вероятно, от оперативной обстановки. На конец 1839 г. роты Черноморского линейного № 4-го (бывш. № 3-го) батальона занимали Геленджикское, Новотроицкое и Михайловское укрепления, роты линейного № 5-го (бывш. № 4-го) батальона – Тенгинское укрепление и форт Вельяминовский.

По этим же прибрежным укреплениям для обслуживания установленных в них орудий была рассредоточена и прибывшая в августе 1837 г. из упраздненной Фанагорийской крепости рота № 1 11-й гарнизонной артиллерийской бригады Кавказского артиллерийского округа⁴³. Это было как нельзя кстати, потому что к февралю 1837 г. из поступивших в декабре 1832 г. в

медалями «В память Отечественной войны 1812 г.», «За взятие Парижа» (РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2 Д. 134. ЛЛ. 643-650; Акты КАК. Т. 10. С. XVI)

⁴² ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIV. № 12849

⁴³ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.1. С. 83

Геленджикское укрепление военнослужащих Анапского артиллерийского гарнизона в строю оставалось лишь 22 нижних чина⁴⁴.

В качестве некой компенсации за убывшие в новые укрепления роты из обоих Черноморских линейных батальонов гарнизон Геленджика с 1838 г. был временно усилен переброшенной туда 11-ой мушкетерской ротой Навагинского пехотного полка⁴⁵, замененной по настоятельной просьбе его командира в конце 1839 г. 5-ой мушкетерской ротой Тенгинского пехотного полка⁴⁶.

Эти меры, однако, не смогли предотвратить сокращение численности гарнизона Геленджикского укрепления, начавшее заметно прогрессировать в самом конце 30-х годов XIX в. Так, если в январе 1839 г. в нем насчитывалось 625 здоровых людей⁴⁷, то в январе 1840 г. - уже только 523 (не считая арестантов)⁴⁸, а по состоянию на 11 марта 1840 г. всего лишь 480⁴⁹, в то время как, по мнению начальника 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмирал Серебрякова, в нем необходимо было иметь не менее 1600 человек⁵⁰.

Понятно, что основными причинами выбытия личного состава были высокие смертность, составлявшая, судя по данным сохранившихся метрических книг⁵¹ церкви Знамения Пресвятой Богородицы Геленджикского укрепления за 1837 г. и 1839 г., около 5% от общей численности гарнизона, и заболеваемость, вследствие чего около 13% офицеров и нижних чинов единовременно находилось на излечении в различных госпиталях за пределами Черноморской береговой линии. К этому следует присовокупить, конечно, не массовое, но, тем не менее, имевшее место дезертирство из дислоцировавшихся в Геленджике частей⁵².

Произошедший весной 1840 г. захват горцами четырех укреплений на южной стороне Кавказских гор заметно ускорил решение проблемы обеспеченности личным составом Геленджикского, а равно и других укреплений Черноморской береговой линии. Как только позволили погодные условия не на шутку напуганное верховное командование перебросило судами

⁴⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп.3. Д. 60. Л. 3

⁴⁵ ГАКК. Ф. 260. Оп.1. Д.1. Л. 61-62

⁴⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 336. Л. 6-6об

⁴⁷ ГАКК. Ф. 260. О. 1. Д. 62. Л. 17 (опубликовано: Архив Раевских. СПб, 1910. Т. III. С. 62)

⁴⁸ ГАКК. Ф. 260. Оп.1. Д. 58. Л. 3

⁴⁹ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 58. Л. 3-3об

⁵⁰ Архив Раевских. СПб, 1910. Т. III. С. 423

⁵¹ За 1834-1836 гг., 1838 г. и 1840 г. метрических книг не выявлено.

⁵² В 1839 г., например, таковых было 8 человек (см. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 203. Л. 70). К сожалению, тема дезертирства из частей Отдельного Кавказского корпуса в период Кавказской войны до настоящего времени практически не изучена. Авторы, затрагивающие этот сюжет, как правило, опираются на мемуарные источники, дающие самые противоречивые сведения о численности военнослужащих, находящихся в бегах.

Черноморского флота на поддержку ослабленных гарнизонов значительные силы – 5 полков и 1 батарею из 5-го пехотного корпуса, 1270 старослужащих нижних чинов 13-й и 15-й пехотных дивизий того же корпуса, 150 сапер, 123 артиллериста и 1 гарнизонную артиллерийскую роту из Севастополя, 200 нижних чинов из резервных батарей 5-го пехотного корпуса. Кроме того, на месте были сформированы еще один Черноморский линейный батальон (№ 3-го) и 2 роты из личного состава Харьковского и Полтавского гарнизонных батальонов вместо рот, погибших в форте Лазарев⁵³.

Часть прибывшего подкрепления досталась, разумеется, и Геленджику, так что уже в мае 1840 г. в нем дислоцировались: «Черноморских линейных батальонов № 4-го и № 5-го первые линейные роты, Тенгизского пехотного полка 5-я мушкетерская рота, 3-й батальон Виленского егерского полка, команды людей 5-го пехотного корпуса из назначенных на укомплектование и Херсонского исправительного батальона, еще не зачисленных в линейные батальоны, всего под ружьем: унтер-офицеров – 137 ч., рядовых – 1267 ч.»⁵⁴. Впрочем, прислуги при артиллерии по-прежнему было «недостаточно: на 24 орудия, за исключением 8 больных, с 9 фейерверкерами 70 артиллеристов»⁵⁵.

После возвращения в конце 1840 г. 3-го батальона Виленского егерского полка к постоянному месту дислокации в Крым, а затем убытия в форт Лазарев роты Тенгинского пехотного полка⁵⁶, в период летней навигации 1841 г. в Геленджик перебрасывается Резервный Черноморский линейный батальон № 13-го со штатной численностью 1071 человек, сформированный в ноябре 1840 г. в Феодосии из нижних чинов, набранных из гарнизонных батальонов: Могилевского, Минского, Гродненского, Житомирского, Киевского, Черниговского, Полтавского и Харьковского⁵⁷. В отличие от Черноморского линейного батальона № 5-го, имевшего пожалованное знамя от полка-предшественника (Нашебургского пехотного), Резервный Черноморский линейный батальон № 13-го собственного знамени не получил⁵⁸.

Эта замена, безусловно, была неравноценна, поскольку, как писал в рапорте от 4 апреля 1841 г. назначенный вместо генерал-лейтенанта Раевского начальником Черноморской береговой линии генерал-майор Анреп о личном составе вновь сформированных № 13-го и № 14-го батальонов: «Эти люди неопытные в военном деле, под начальством офицеров, столь чуждых

⁵³ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX. С. 257-258

⁵⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 259. Л. 6об-7

⁵⁵ ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д. 204 (опубликовано: Архив Раевских. Т. IV. СПб, 1912. С. 97-101)

⁵⁶ Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Тифлис, 1900. С. 257

⁵⁷ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.1. С. 87

⁵⁸ Описание обмундирования и вооружения нижних чинов войск российской армии. 1843 / сост. Клочков Д.А. - М.: Фонд «Русские витязи», 2020. С. 361

здешнему образу войны, не скоро могут прийти в такое положение, чтобы соответствовать своему назначению»⁵⁹.

К тому же вновь прибывший батальон, с 3 февраля 1842 г. переименованный в Черноморский линейный батальон № 14-го, а с 31 августа того же года – в № 15-го⁶⁰, нельзя считать в полном смысле вошедшим в состав гарнизона Геленджикского укрепления, поскольку он, как и другие резервные батальоны, являлся подвижным и не составляющим необходимой принадлежности того гарнизона где дислоцировался, давая «возможность сосредоточивать довольно значительные силы в каждом пункте Береговой линии ...»⁶¹.

Со времени очередного разделения Черноморской береговой линии в сентябре 1840 г. и до ликвидации Геленджикского укрепления старшим воинским начальником в нем становится начальник ее 2-го отделения, которому было предписано пребывать в Геленджике. В соответствии с существующей практикой, в последствии официально оформленной статьей 103⁶² Общей инструкции для комендантов, ему переходили все предоставленные права коменданта крепости и вся возложенная на него ответственность по исполнению его обязанностей. 11 сентября 1840 г.⁶³ высочайшим приказом на эту должность был назначен генерал-майор Опперман 1-й⁶⁴.

После упразднения в апреле 1841 г. арестантской роты № 40⁶⁵, в Геленджике располагались штаб и три роты Черноморского линейного батальона № 5-го (еще одна рота занимала Новотроицкое укрепление), в полном составе Резервный Черноморский линейный батальон № 15-го и частично рота № 1 11-й гарнизонной артиллерийской бригады. Помимо этих частей, там же в качестве прикомандированных находились: команда военно-рабочей № 18 роты, основная часть которой дислоцировалась в Анапе⁶⁶, и одна из команд Азовского казачьего войска, сформированных для крейсерства у

⁵⁹Цит. по: Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1846. Тифлис, 1900. С. 255-256

⁶⁰Хроника российской императорской армии. СПб, 1852. Ч. VI. С. 182

⁶¹Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 10. Восточный берег Черного моря. СПб, 1853. С.37

⁶²ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXII. № 21671

⁶³ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XV. № 13785

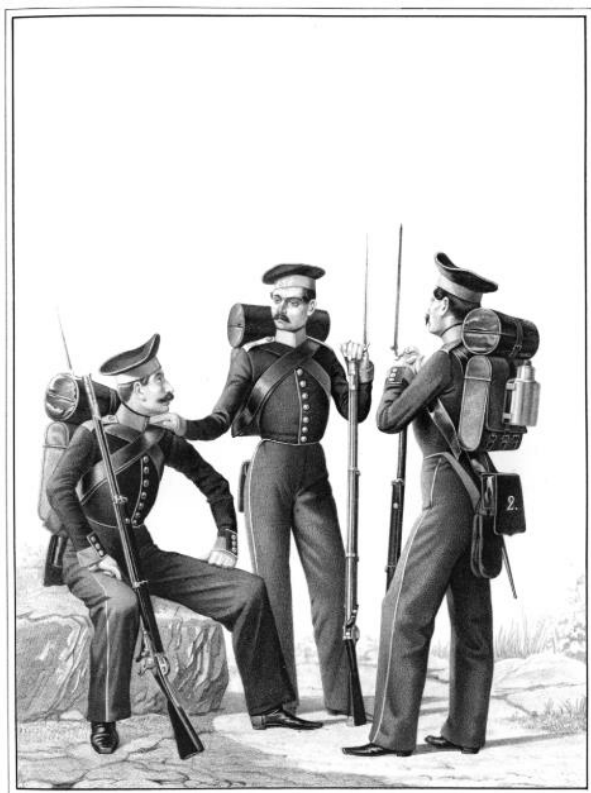
⁶⁴Опперман 1-й Александр Карлович, генерал-майор. Участник войн против персов и турок в 1827-1829 гг., против горцев в 1830 г., против польских мятежников в 1831 г., против горцев в 1835 г., 1837 г. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1827), персидским Орденом Льва и Солнца 2 ст. (1828), св. Анны 2 ст. (1829, императорская корона к ордену пожалована в 1831 г.), св. Георгия 4-й ст. (1839), св. Станислава 1 ст. (1841), Золотой шпагой «За храбрость» (1828). 22 февраля 1847 г. по Высочайшему повелению назначен командиром 2-й бригады 9-й пехотной дивизии (РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 134. ЛЛ. 209-224; Акты КАК. Т. 9. С. XXV)

⁶⁵Висковатов А.В. Указ. соч. Часть девятнадцатая. СПб, 1861. С. 234

⁶⁶ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 98. Л. 237-239

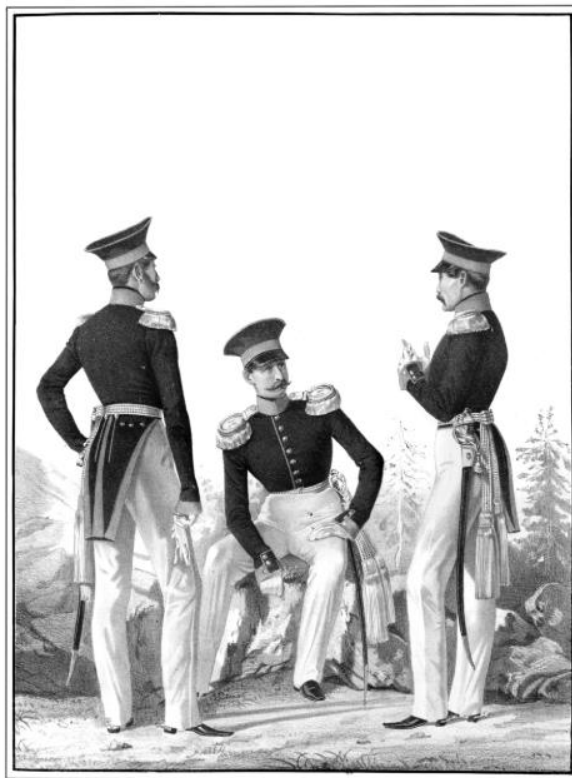
восточных берегов Черного моря согласно именному указу от 11 августа 1839 г.⁶⁷

С ноября 1842 г. в линейных батальонах (Грузинских, Черноморских, Кавказских) Отдельного Кавказского корпуса⁶⁸ официально были отменены обременительные барашковые шапки и до установления новой формы позволено всем чинам носить только фуражные шапки тёмно-зелёного цвета с околышем и выпушкой из красного сукна и с буквой «Р» и номером роты на околыше из желтого сукна, образец которых был установлен в марте 1836 г.⁶⁹

Imp. Lemerle, Paris
РЯДОВЫЕ

*Линейный батальон 1-го Отдельного Кавказского Корпуса
1842-1848.*

Imp. Lemerle, Paris
ШТАБЪ-ОФИЦЕРЫ

*Линейный батальон 1-го Отдельного Кавказского Корпуса
1842-1848.*

Номера батальонов сточкой, изготовленные из желтой меди размером 1 (1¹/₂) / 8 вершков, надлежало размещать посередине крышки сумы нижних чинов⁷⁰:

⁶⁷ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIV. № 12635. Более подробно о них будет рассказано в следующей главе настоящей работы

⁶⁸ Висковатов А.В. Указ. соч. Часть двадцать третья. СПб, 1861. С. 38, рисунки 524,525

⁶⁹ Висковатов А.В. Указ. соч. Часть двадцать третья. СПб, 1861. С. 36

⁷⁰ Описание обмундирования и вооружения нижних чинов войск российской армии. 1843 / сост. Клочков Д.А. - М.: Фонд «Русские витязи», 2020. С. 124, 249

Предпринятые меры по усилению гарнизонов прибрежных укреплений, безусловно, стабилизировали ситуацию, но не решали проблему их укомплектования кадрами системно⁷¹.

Сохраняющийся некомплект офицерского состава, восполнить который было гораздо сложнее чем нехватку нижних чинов, заставил царское правительство прибегнуть к экстраординарным мерам. Именным указом, объявленным приказом Военного министра от 20 декабря 1839 г., назначаемым или переводимым в укрепления Черноморской береговой линии офицерам были предоставлены беспрецедентные преимущества, а именно выдача прогонных денег на всякое расстояние до места назначения, выдача единовременного пособия в размере годового оклада жалованья или двухгодового в случае переезда туда с семейством⁷².

В своих мемуарах Г.И. Филипсон назвал эту меру «ошибочной, вредной»⁷³, поскольку многие офицеры, согласившиеся на службу в прибрежных фортах в расчете на получение «значительного денежного вспоможения», оказались к ней непригодными. Это вскоре поняло и Военное министерство, инициировавшее в апреле 1841 г. именной указ, объявленный командиру Отдельного Кавказского корпуса, гласивший: «Государь император, вследствие доходящих сведений, что с представлением особых преимуществ офицерам, желающим служить в Черноморских линейных батальонах, в батальоны сие поступает много офицеров из отставки таких, которые по поведению своему и нерадивому служению не только не полезны, но даже там весьма вредны, Высочайше повелеть изволил: в Черноморские батальоны офицеров из отставки впредь не определять, а самые вакансии пополнять переводом надежных офицеров из других войск Кавказского корпуса со всеми теми преимуществами, которые установлены на сей случай Высочайшим повелением, объявленным в приказе от 20 декабря 1839 года»⁷⁴.

Несмотря на неоднозначные последствия, все же следует признать, что предпринятые шаги в целом заметно улучшили ситуацию с офицерскими кадрами и даже позволили с января 1841 г. «в Черноморских линейных батальонах вместо положенных по штату 14 обер-офицеров иметь таковых 18 обер-офицеров в батальоне, в том числе: капитана – 1, штабс-капитанов – 3, поручиков – 4, подпоручиков – 6 (из них адъютант – 1 и квартирмейстер – 1), прапорщиков – 4»⁷⁵.

⁷¹ Подробнее см.: Каратаев В.Б., Островская А.А., Кокуйцева Т.В., Семенов А.С. Кадровый состав Русской армии на Кавказе в 1830–1840-е гг. // Былые годы, 2016. Т. 41. Вып. 3. С. 655

⁷² ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIV. № 13010

⁷³ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 6. С. 349

⁷⁴ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVI. № 14489

⁷⁵ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVI. № 14216

С августа 1840 г. на предусмотренные приказом Военного министра от 20 декабря 1839 г. льготы могли рассчитывать также назначаемые в укрепления Черноморской береговой линии цейхвахтеры и унтер-цейхвахтеры артиллерийского ведомства⁷⁶, с июля 1842 г. - медицинские чиновники военного ведомства⁷⁷, с мая 1843 г. - офицеры, переводимые из резервной дивизии Отдельного Кавказского корпуса, поступившие в нее для производства в офицеры из подпрапорщиков, юнкеров и унтер-офицеров Черноморских линейных батальонов⁷⁸, с февраля 1844 г. - медицинские чиновники морского ведомства⁷⁹, с марта 1844 г. - все прочие чиновники с той лишь разницей, что назначаемые в укрепления: Новотроицкое, Вельяминовское, Лазаревское, Головинское, Навагинское и Св. Духа до открытия с этими пунктами сухопутного сообщения должны были получать их в полном объеме, а назначаемые в прочие укрепления – в ополовиненном⁸⁰. Помимо этого, в мае 1842 г. было высочайше разрешено офицерам войск Черноморской береговой линии при отправлении их в лазареты и госпитали, находящиеся вне округа военных действий, или в местах, где войска получают довольствие по внутреннему положению, сохранять жалованье в случае продолжительной болезни по усиленному окладу в течение шести месяцев, «в том внимании, что болезни, коим они подвергаются, происходя от собственных климату причин, бывают часто весьма упорны и продолжительны»⁸¹. Наконец, в сентябре 1846 г. было установлено, что всем чинам военного ведомства, следующим на службу в войска, расположенные на Черноморской береговой линии, по переводе из других частей и по определении при отставке, а также возвращающимся из отпусков, время прибытия их на действительную службу считать со дня их прибытия в Керчь, удовлетворяя их жалованье по усиленным окладам.

Эти преимущества вышеназванным категориям офицеров и чиновников продолжали действовать, по всей видимости, до конца существования укреплений Черноморской береговой линии, за исключением случаев перехода туда офицеров не по надобностям службы, а по собственному желанию, о чем было объявлено главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом именным указом от 28 ноября 1851 г.⁸²

Что же касается нижних чинов, то в 30-х годах XIX в. пополнение ими Черноморских линейных батальонов велось, судя по документам, за счет:

⁷⁶ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XV. № 13749

⁷⁷ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVII. № 15820

⁷⁸ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVIII. № 16813

⁷⁹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XX. Отделение 2. № 17588а

⁸⁰ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIX. № 17758

⁸¹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XVII. № 15648

⁸² ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXVI. № 25782

рекрут из числа набранных по очередным наборам в европейских губерниях России и Царстве Польском;

чинов и военнопленных Польской армии, расформированной после мятежа 1830-1831 гг.⁸³;

рекрут Царства Польского, поступающих в зачет наборов за укрывательство, бродяжничество или после тюремного заключения, по приговорам судебных мест⁸⁴,

контингента, поступающего из учрежденного⁸⁵ в апреле 1837 г. при резервной дивизии 5-го пехотного корпуса в г. Херсоне исправительного батальона⁸⁶.

Судя по тому, что прибывшие весной 1840 г. в качестве усиления 1270 старослужащих нижних чинов 13-й и 15-й пехотных дивизий были направлены взамен рекрутов, можно с высокой степенью достоверности предположить, что именно такое количество военнослужащих поступало ежегодно в этот период на пополнение войск Черноморской береговой линии.

Как показало время, существовавший порядок комплектования оказался неудовлетворительным, и численность поступающего пополнения - недостаточной. Во-первых, он не обеспечивал достаточного притока рядового и унтер-офицерского состава взамен умерших и эвакуированных в госпиталь по болезни, вследствие чего, по воспоминаниям Г.И. Филипсона, «... роты доходили до половины своего состава и даже менее»⁸⁷. Во-вторых, это привело к тому, что контр-адмирал Серебряков был вынужден констатировать: Черноморские линейные батальоны «за исключением малого числа старых солдат, оставшихся еще от расформированных (в 1834 г. – А.Г.) полков, состоят почти из одних бродяг, штрафованных и порочных...»⁸⁸.

В целях исправления такой неблагоприятной ситуации в августе 1840 г. «для скорейшего и удобнейшего комплектования Черноморских линейных батальонов» при Таврическом внутреннем гарнизонном батальоне был учрежден особый (Таврический) резерв численностью 1600 человек, содержащихся в Симферополе и Феодосии⁸⁹. Таким образом, с этого времени рекруты, назначаемые к службе в Черноморские линейные батальоны, для предварительного обучения и адаптации к непривычному им климату

⁸³ Более подробно о них см.: Матвеев О.В. Поляки в укреплениях Черноморской береговой линии в 30–50-е годы XIX века // Славяноведение, 2009, № 6. С. 64-75

⁸⁴ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XV. № 13667

⁸⁵ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XII. № 10155

⁸⁶ См. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 2, 96

⁸⁷ Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив, 1883. Вып. 6. С. 327

⁸⁸ Архив Раевских. Т. 3. С. 417

⁸⁹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XV. № 13713

поступали сначала либо в Таврический резерв, либо в сформированный тогда же в Анапе резервный Черноморский линейный батальон (№ 11-го).

Именным указом от 1 марта 1844 г., объявленным командиру Отдельного Кавказского корпуса, устанавливался порядок ежегодного отправления рекрут: в Таврический резерв – морем в три срока (мае, июле и октябре), в резервный Черноморский линейный батальон в Анапу – сухим путем через Черноморию в июне⁹⁰. Еще одним указом, объявленным в приказе Военного министра от 29 января 1846 г., уточнялось, что рекруты, назначаемые на комплектование Черноморских линейных батальонов в Таврический резерв, впредь должны отправляться с места набора поровну в Таврический и Херсонский гарнизонные батальоны. При этом отправление рекрут уже непосредственно в укрепления Черноморской береговой линии, вне зависимости от того, где они обучались, следовало проводить через Таврический резерв⁹¹.

Существовавшая же ранее практика комплектования Черноморских линейных батальонов из исправительных батальонов постепенно уходила в прошлое. Так, в частности, в марте 1840 г. был упразднен Херсонский исправительный батальон⁹², а в декабре 1845 г. и в июне 1846 г., соответственно, сформированные в его замен исправительные отделения Таврического⁹³ и Херсонского⁹⁴ гарнизонных батальонов.

В апреле 1852 г. Николай I повелел довести численность назначаемых при ежегодном наборе в резервы Черноморских линейных батальонов рекрут до 3200 человек, из которых 1600 должны были по-прежнему направляться в Таврический и Херсонские гарнизонные батальоны, 900 – в Черноморский резервный батальон, а прибавляемые 700 человек – размещаться в Екатеринославской губернии или, при отсутствии такой возможности, частично в Керчи⁹⁵. Если исходить из этих цифр, в 1841-1854 гг. на укомплектование частей, занимающих укрепления Черноморской береговой линии, должно было бы поступить 33,9 тысяч (11 X 2500 + 2 X 3200) человек. В действительности же, как следует из справочника М.Б. Оленева⁹⁶, численность рекрут, ежегодно направляемых в Черноморские линейные батальоны, была, похоже, значительно меньше. Так, например, с 1846 г. по 1854 г.⁹⁷ их общее число

⁹⁰ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XIX. № 17684

⁹¹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXI. № 19667

⁹² ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XV. № 13267

⁹³ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XX. № 19526

⁹⁴ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXI. № 20175

⁹⁵ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXVII. № 26167

⁹⁶ Составлено по: Оленев М.Б. Комплектование армии нижними чинами при императоре Николае I. М.: Старая Басманная, 2016. С. 56, 112, 118, 120, 126, 133, 157, 159, 169, 170, 176

⁹⁷ За более ранний период сведения в работе М.Б. Оленева отсутствуют.

составило лишь 7955 человека, причем в 1847 г., 1851 г., 1852 г. никакого пополнения вообще не поступало:

губерния	Резерв при Таврическом ВГБ	Резерв при Херсонском и Таврическом ВГБ	11-я и 13-я гарнизонные арт. бригады	Черноморские линейные батальоны	Черноморский резервный линейный батальон
Воронежская	1220 (1846 г.) 550 (1848 г.)				
Саратовская		646 (1848 г.)			
Тамбовская		500 (1848 г.) 702 (1849 г.)			
Пензенская		994 (1849 г.)			
Витебская			60 (1849 г.)		
Волынская		1296 (1850 г.)			
Екатеринославская		400 (1850 г.)			
Самарская				338 (1853 г.)	
Подольская					849 (1854 г.)
Орловская					400 (1854 г.)

Тем не менее, вне зависимости от количества рекрут, поступающих в тот или иной год, их определенная часть, безусловно, поступала и в оба дислоцировавшихся в Геленджикском укреплении линейных батальона, ибо, несмотря на происходящие с начала 40-х годов XIX в. позитивные перемены в условиях их расквартирования, продовольственного снабжения и медицинского обслуживания, число безвозвратно выбывших продолжало оставаться на довольно высоком уровне. Так, согласно данным метрических книг Геленджикского укрепления, число умерших в нем военнослужащих за 13 последних лет его существования составило: 1841 г. – 114, 1842 г. – 169, 1843 г. – 145, 1844 г. – 133, 1845 г. – 131, 1846 г. – 218, 1847 г. – 135, 1848 г. – 121, 1849 г. – 82, 1850 г. – 87, 1851 г. – 150, 1852 г. – 79, 1853 г. – 139⁹⁸, а всего – 1703 человека. К тому же, замена требовалась не только умершим, но и временно выбывавшим по болезни, число которых, очевидно, было как и прежде весьма велико, ведь по данным исторического очерка развития и деятельности военно-медицинского ведомства в царствование императора Николая I соотношение между умершими и заболевшими в армии в этот период

⁹⁸ РГВИА. Ф. 16290. Оп. 1. Д. 90, 108, 116, 158, 169, 186, 203, 217, 218, Оп. 2. Д. 80, 87, 88, 129, 131, 150, 162; РГИА. Ф. 806. Оп. 18. Д. 1122, 1143, 1247, 1261

составляло в среднем 1 к 15⁹⁹. Тем не менее, численность поступающего пополнения, видимо, в целом компенсировало безвозвратные и санитарные потери в личном составе гарнизона Геленджика.

В 1845 г. в целях поддержания оборонительных верков Геленджикского укрепления в удовлетворительном состоянии из нижних чинов Черноморских линейных батальонов и военно-рабочих подразделений была сформирована военно-рабочая рота № 19¹⁰⁰, что позволило вернуть находящуюся с 1841 г. в Геленджике команду из военно-рабочей № 18 роты к постоянному месту службы в Анапе.

Согласно именному указу от 29 июня 1846 г. в крепости Геленджике с 1 января 1847 г. создается управление воинского начальника, обязанности которого возложены на командира квартирующего там Черноморского линейного батальона № 5-го, в составе плац-адъютанта и двух писарей¹⁰¹.

24 февраля 1847 г. высочайшим приказом начальником 2-го отделения Черноморской береговой линии был назначен известный кавказский командир генерал-майор Альбрандт (Альбранд)¹⁰².

ГЕНЕРАЛЪ МАІОРЪ
АЛБРАНДЪ.

⁹⁹ Столетие Военного министерства. 1802-1902. СПб, 1908. Т. VIII. Ч. II. С. 227

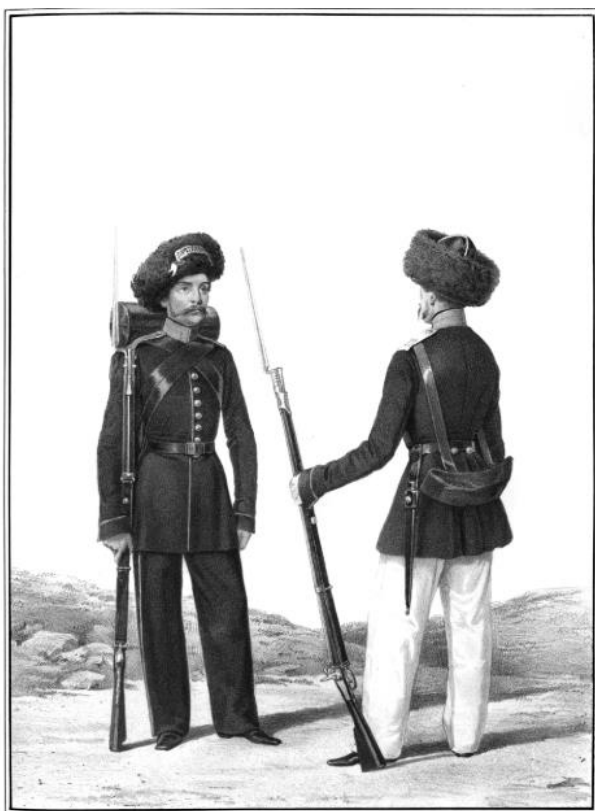
¹⁰⁰ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.2. С. 295-296

¹⁰¹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XXI. № 20179

¹⁰² Альбрандт Лев Львович, генерал-майор. Участвовал в войне против турок в 1828-1829 гг. в Валахии, против горцев в 1832, 1834, 1836, 1837, 1839, 1841, 1845, 1846 гг. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1835), св. Станислава 2 ст. (1845), знаком отличия «XX лет беспорочной службы» (1845), орденами св. Анны 2 ст. (1845), св. Владимира 3 ст. (1845), св. Станислава 1 ст. (1848), персидским Орденом Льва и Солнца 2 ст. (1839), серебряной медалью «За Турецкую войну 1828-1829 гг.». (РГВИА. Ф. 395. Оп.156. Д. 347. ЛЛ. 26-39; Акты КАК. Т. 10. С. XII)

Характеризуя его в этой должности, фактически начавшейся с 7 мая 1847 г., начальник Черноморской береговой линии генерал-адъютант Будберг писал, что генерал-майор Альбрандт «не щадя в продолжение службы ни жизни, ни здоровья, ни телесных сил, в управлении 2-м отделением береговой линии, с отличающею его деятельностью, во всякое время года, зимою и осенью, в бурные и ненастные дни, часто в болезненном состоянии, везде появлялся в своем отделении для личных распоряжений и сношений с горцами, переплывая для сего на Азовских баркасах, при тяжелых ранах; он выдержал лихорадку и холеру и совершенно расстроил свое здоровье. Испытав величайшие труды и жертвуя остатком сил, он не жалел своего достояния»¹⁰³.

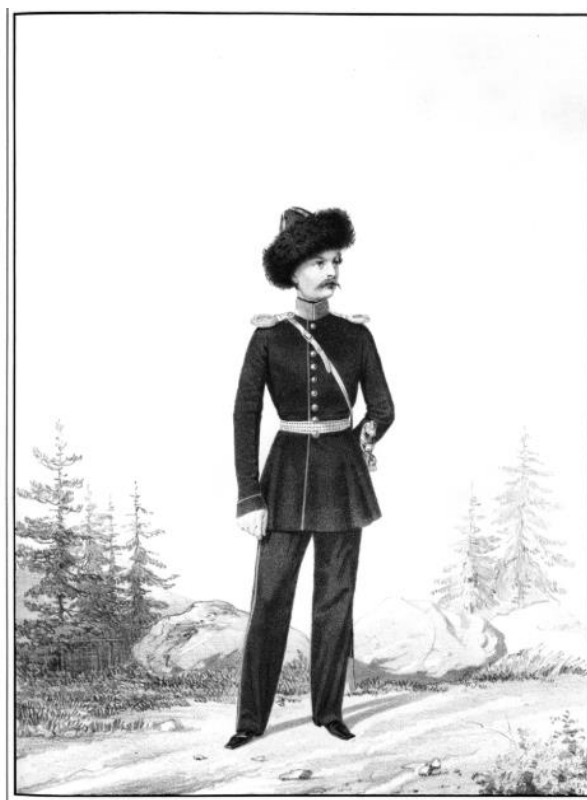
Заметным событием в период его непродолжительного пребывания в Геленджике стало присвоение в августе 1848 г., линейным батальонам Отдельного Кавказского корпуса нового обмундирования и снаряжения, в большей степени соответствующих характеру ведущихся на Кавказе боевых действий¹⁰⁴:

By Lambert Paris

РЯДОВЫЕ

*Грузинских и Черкесских Линейных батальонов,
1848-1855.*

By Lambert Paris

ОФЕРЬ-ОФИЦЕРЪ

*Кавказских Линейных батальонов,
1848-1855.*

¹⁰³ Цит. по: «Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе». СПб, 1858. Вып. №№ 15-16, 17-18. Там же подробная статья с его жизнеописанием

¹⁰⁴ Висковатов А.В. Указ. соч. Часть двадцать третья. СПб, 1861. С. 40, рисунки 529, 530

30 апреля 1849 г. по состоянию здоровья генерал-майор Альбрандт был переведен комендантом Шлиссельбургской крепости, а на его должность назначен генерал-майор Вагнер 2-й¹⁰⁵.

106

Согласно «Ведомости о численном состоянии Черноморских линейных батальонов по сведениям за август месяц 1852 года» укомплектованность обоих дислоцировавшихся в Геленджике линейных батальонов на тот момент была почти полная¹⁰⁷:

Черноморский линейный батальон	состоит по списку			недостает до комплекта		
	штаб и обер- офицеров	нижних чинов		штаб и обер- офицеров	нижних чинов	
		строевых	нестроевых		строевых	нестроевых
№ 5-го	18	1032	37	2	12	1
№ 15-го	15	1036	36	5	16	1

¹⁰⁵ Вагнер 2-й Яков Богданович, генерал-лейтенант (1855 г.). Участвовал в сражениях против французов в 1815 г., против польских мятежников в 1831 г., против горцев в 1849-1853 гг., против турок, англичан, французов в 1854-1856 гг. Награжден орденами св. Владимира 4 ст. с бантом (1830), св. Анны 2-й ст. (1831, императорская корона к ордену пожалована в 1844 г.), польским знаком отличия за военное достоинство (Virtuti Militari) 4-й ст. (1832), орденами св. Станислава 2-й степени (1833), св. Георгия 4-й ст. (1846), знаком отличия «XX лет беспорочной службы», орденами св. Владимира 3-й ст. (1846), св. Станислава 1-й степени (1851), св. Анны 1-й ст. (1852, императорская корона к ордену пожалована в 1854 г.), св. Владимира 2-й ст. (1859) (РГВИА, Ф. 395. Оп. 169. Д. 444; Акты КАК. Т. 10. С. XVI)

¹⁰⁶ ГПИБ. Портреты лиц, участвовавших в событиях войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годов. - Б. м., Б. г. (shpl.ru)

¹⁰⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 199. Л. 13-13об

В марте 1854 г. под руководством генерал-майора Вагнера войска геленджикского гарнизона («весь Черноморский линейный № 5 батальон – 729, весь Черноморский линейный № 15 батальон – 823, военно-учебная команда Черноморских линейных батальонов – 130, военно-рабочая № 19 рота – 148, команда № 4 Азовского казачьего войска – 28, артиллерии подвижной: 2 полевых и два горных орудия. Всего: 1858 человек»¹⁰⁸), а также гарнизоны других укреплений 2-го отделения Черноморской береговой линии, сосредоточенные в Геленджике, навсегда покинули его дымящиеся развалины, чтобы продолжить свою ратную службу уже в качестве полевых войск.

Во время Крымской (Восточной) войны генерал-майор Вагнер сначала возглавлял резерв Закубанского отряда, затем командовал Феодосийским, Геничевским и Гурийским отрядами. Оба линейных батальона по окончании боевых действий в апреле 1856 г. обращены на формирование соответственно: № 5-го – Крымского пехотного полка, № 15-го – Севастопольского пехотного полка¹⁰⁹. Рота № 1 11-й гарнизонной артиллерийской бригады в 1858 г. переименована в Кавказскую гарнизонную артиллерийскую № 10 роту (с 1859 г. – Кавказская крепостная артиллерийская № 10 рота)¹¹⁰.

В завершении обзора воинских частей, в разное время составлявших живую силу Геленджикского укрепления, будет уместным сделать некоторые выводы в отношении ее количественных и качественных характеристик.

Так сложилось исторически, что огневая линия его оборонительных верков де-факто полностью повторяла фронт первоначально возведенных шанцев укрепленного лагеря Геленджикского отряда, насчитывающего четыре батальона пехоты и одну артиллерийскую роту. Вследствие этого она имела протяженность 553 сажени и по расчетам командира Отдельного Кавказского корпуса должна быть защищаема 3318 человеками или, в крайнем случае, 750, т.е. тремя полными ротами¹¹¹.

Потребность в такой численности обороняющихся определялась им на основании действующих в то время руководств по фортификации, предусматривающих от 1 шага (2 1/3 погонных фута) в сомкнутом строю до 1 1/2 шагов (4 погонных фута) в разомкнутом строю на каждого пехотинца, стоящего вдоль бруствера, и от 14 до 18 футов на артиллерийское орудие с

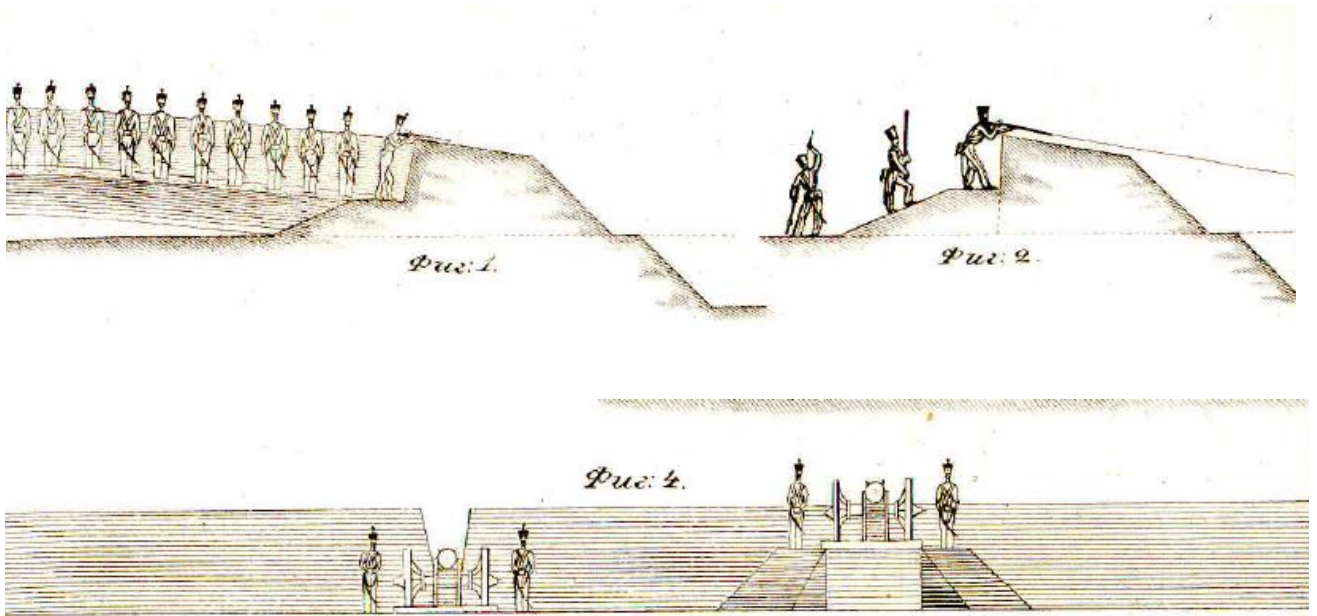
¹⁰⁸ ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1832. Л. 344-344-об., РГВИА. Ф. 38. Оп.7. Д. 220. Л. 40об. Опубликовано: «Черноморская береговая линия. 1853-1855 гг. (Подборка документов о боевых действиях в Северной части Черноморской береговой линии в период Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг., составленная А. Бабичем» (<https://proza.ru/2016/07/04/1174>)

¹⁰⁹ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.1. С. 115

¹¹⁰ Гизетти А.Л. Хроника кавказских войск. В 2-х частях. Тифлис, 1896. Ч.2. С. 233

¹¹¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 8259

артиллеристами. Как это должно было происходить теоретически можно увидеть на рисунках из учебника Теляковского¹¹²:

а на практике – на знаменитом панорамном полотне Ф. Рубо, посвященном обороне Севастополя в период Крымской (Восточной) войны:

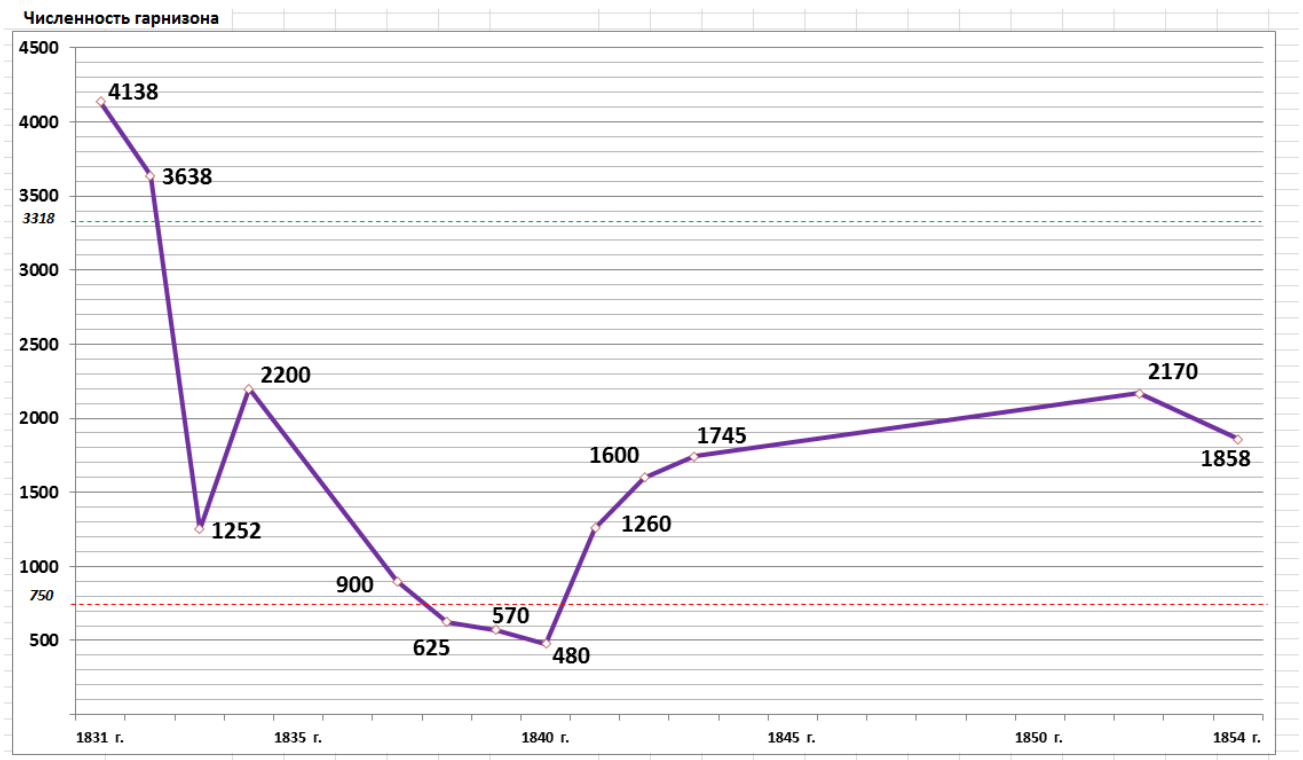
Яндекс. Картинки

Другим вариантом расчета служили формулы: $6 \times A / 13$ при построении в одну шеренгу, $3 \times A / 4$ при двух шереножном строе и $4 \times A / 3$ при трех шереножном, где A - длина прикрываемой линии в футах¹¹³.

¹¹² Теляковский А. Фортификация. Ч.1. Полевая фортификация. СПб, 1848. С. 37, чертеж 8

¹¹³ Войтяховский Ефим. Полная наука военного укрепления, или фортификация, содержащая в себе начальные основания, с приобщением расположений укрепления знатнейших европейских инженеров, в пользу употребления юношества и упражняющихся. СПб, 1814. С. 46-47; Баженов, подполковник. Полевая фортификация для употребления в школах Инженерного корпуса по образцу

Как следует из приведенной ниже диаграммы, составленной по выявленным в документах за разные годы сведениям о численности войск, дислоцировавшихся в Геленджике¹¹⁴, в нормативном количестве их практически никогда не было, но и меньше минимально допустимого значения опускалось лишь в конце 1837 г. – начале 1840 г., когда один из дислоцировавшихся там Черноморских линейных батальонов (№ 4-го) в полном составе, а другой (№ 5-го) частично убыли для несения гарнизонной службы во вновь основанные укрепления Черноморской береговой линии. Таким образом, только в этот достаточно короткий промежуток времени существовала реальная опасность захвата Геленджика горцами в случае, если бы они на это решились, чего, как известно, так и не произошло даже в период их наибольшей активности в феврале-мае 1840 г.

Образование в августе 1840 г. специального резерва для Черноморских линейных батальонов в целом решило проблему нехватки в них нижних чинов. Некомплект же унтер-офицерского состава восполнялся за счет выпускников сформированной в Геленджике, видимо, во второй половине 40-х годов XIX в. учебной команды Черноморских линейных батальонов, а офицерского, помимо

французского автора Ги де Вернона. СПб, 1815. С. 95-96; Тванев, подполковник. Общее введение в фортификацию. Для руководства в изложении походных записок. СПб, 1845. С. 33; Теляковский Аркадий. Фортификация. Часть первая. Полевая фортификация. Учебное руководство для военно-учебных заведений. СПб, 1848. С. 37

¹¹⁴ Диаграмма, безусловно, достаточно условная, т.к. для точного установления динамики изменения численности расположенных в Геленджике войск необходимо проведение специального исследования

обычных назначений и переводов, также путем производства в офицеры подпрапорщиков, юнкеров и унтер-офицеров Черноморских линейных батальонов после прохождения ими определенного срока службы в резервной дивизии Отдельного Кавказского корпуса. Правда, ради справедливости, следует признать, что имеющихся войск было достаточно лишь на случай нападения горского ополчения, но никак не против отражения десанта регулярных войск, поддержанного корабельным огнем, вероятность высадки которого союзным англо-французским флотом, собственно говоря, и послужила одной из основных причин оставления Геленджикского укрепления в Крымскую (Восточную) войну.

Что же касается качества личного состава квартировавших в Геленджикском укреплении войск, то, безусловно, боеспособность находившихся там с 1831 г. по 1834 г. Нашебургского и Козловского пехотных полков была весьма высока. Поэтому можно только сожалеть об их расформировании в рамках происходившей в 1833-1834 гг. армейской реформы. Увы, «старыми полками у нас тогда еще дорожили так же мало, как и в царствование Екатерины»¹¹⁵.

Еще какое-то время, примерно до 1837 г., когда в сформированных в Геленджике Черноморских линейных батальонах еще преобладали ветераны Нашебургского пехотного полка, кадровая ситуация была терпима, но постепенно, вследствие естественной убыли старослужащих солдат либо за смертью, либо в отставку по выслуге лет или болезни, они замещались слабо подготовленными рекрутами, политически неблагонадежными (участниками польского мятежа и восстания декабристов), членами различных религиозных сект (прежде всего, старообрядцами) и различным асоциальным элементом (бродягами и преступниками, отдаваемыми в солдаты), что, безусловно, снижало боевую ценность этих линейных батальонов.

Вместе с тем, нельзя согласиться с утверждением некоторых авторов работ, посвященных кадровому составу Отдельного Кавказского корпуса в период Кавказской войны, о том, что в Черноморских линейных батальонах он был наименее качественным по сравнению с другими входившими в корпус частями, а процент преступников или «буйных» в них был выше, чем у других¹¹⁶. Если обратиться к сенатскому указу от 17 апреля 1837 г. об отправлении бродяг и преступников, которые поступают в рекруты, в особо учреждаемые исправительные батальоны и батальоны гарнизонные и

¹¹⁵ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 2. Издательство «Голос». Москва, 1993. С. 43

¹¹⁶ Каратаев В.Б., Островская А.А., Кокуйцева Т.В., Семенов А.С. Кадровый состав Русской армии на Кавказе в 1830–1840-е гг. // Былые годы, 2016. Т. 41. Вып. 3. С. 652; Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Психологический портрет комбатанта на территории Черноморской береговой линии: нижние чины // European researcher. 2010, № 1. С. 27-30

линейные, то не трудно убедиться, что этот контингент распределялся по войскам, расположенным в самых разных частях Российской империи, но Черноморские линейные батальоны, в отличие от Кавказских, Грузинских, Оренбургских и Сибирских линейных батальонов, среди них не значатся¹¹⁷. То есть, если они и попадали на Черноморскую береговую линию, то не напрямую, а только через Херсонский исправительный батальон, возможно даже, уже после отбытия там наказания или получения положительной характеристики, да и практика такого пополнения дислоцировавшихся в прибрежных укреплениях частей прекратилась к середине 40-х годов XIX в.

Разумеется, нельзя отрицать того, что боевой потенциал линейных батальонов Отдельного Кавказского корпуса был ниже, чем у входивших в его состав прославленных полков 19-й, 20-й и 21-й пехотных дивизий, но это можно объяснить не столько различиями в личном составе (он во всех частях корпуса был приблизительно одинаков), сколько большей опытностью, лучшей выучкой, более высоким моральным духом, сплоченностью и наличием славных боевых традиций у последних¹¹⁸. Тем не менее, Черноморские линейные батальоны были не из последних, подтверждением чему служит произошедшее, соответственно, в 1851 г. и 1852 г. пожалование знамен двум из них: № 4-го - «за усердную и верную службу, доказанную постоянным отличием и храбростью против Горцев», № 14-го - «за усердную и верную службу, ознаменованную подвигами мужества и храбрости в неоднократных делах против Горцев»¹¹⁹.

Это заслуживает тем большее уважение, что чины Черноморских линейных батальонов после тяжелых ратных трудов, по словам генерал-лейтенанта Раевского, не имели «другого отдохновения как то, которое их ожидает в тесных крепостях, где они заключены, где они преданы вечному одиночеству, невыразимой скуке и повальным болезням»¹²⁰.

¹¹⁷ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. XII. № 10155; Т. XII. Отделение второе. С. 27

¹¹⁸ См., например, Савельев А.Е. «Кавказские» и «русские» полки в начале XIX в. на Кавказе // Вопросы истории. 2010. № 2. С.150-154

¹¹⁹ Описание обмундирования и вооружения нижних чинов войск российской армии. 1843 / сост. Клочков Д.А.- М.: Фонд «Русские витязи», 2020. С. 360-361

¹²⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д.220. ЛЛ. 51-51об